

***

Свет нестерпимый угловат
и режет лампочкой стоваттной
тебя, и музыку, и сад.
И духота идет на спад,
как алкоголик на попятный.
Натянут луч от фонаря,
блесной заброшенный в хрусталик.

Я помню вечер декабря,
цветочек после стопаря.
Его ты помнишь ли, Виталик?
Еще – дождливую весну,
нас сумасбродных, дикий вереск,
ошую ночь и одесну...
Начнем подтягивать блесну –
хоть через волны Стикса, через.
Авось и выудим чего
мы из забывчивости окон –
открыты были оттого,
что наблюдали: кто кого?
Что лучше: щука или окунь?
Теперь держи его, держи;
пускай, как дрозд, скрипит катушка.
Теперь ты знаешь, что есть жизнь...
почем возводят этажи,
о ком увлажнена подушка.

***

Где на ребяческие козни
и юго-запада дворы,
воспеты Левитанским поздним,
кивали желтые шары, –
когда вытягивал травинку
и приставлял её к зубам,
я муравьиною тропинку,
боясь, прокладывал в себя.

Не муравьиного укуса
из темной земляной трухи,
но флейту травяного вкуса,

в какую верят пастухи,
я в руки получил... Но нет же:
я помню утро февраля,
где верховодит ряд сольфеджий
и клавиш фабрики «Заря».

Я заплатил занятий цену
за музыки живую весть.
Но если мир – немая сцена,
зачем травинку было есть?

***

Через тебя рождаются на свет
покой и шум. Сегодня ты в ударе.
И если есть в тебе чего-то сверх,
то это мальчик на воздушном шаре.

Он – выскочка, он – жаворонок, дух.
Он речь свою ведет с оглядкой пули;
хрусталиком в глазу разносит в пух
апостолов, что на горе уснули

в такое утро, бездны на краю –
кто врозь, кто с вещмешком своим в обнимку.
Еще он говорит: «Я вам дарю
вот эту вырастающую дымку,

как лестницу в нагие небеса,
на цыпочках без видимой опоры;
Земли окружность – были бы глаза
бессонные и быстрые, как скорый, –

всю охватили б. И, наверно, враз
исполнились тугой и звонкой веры.
Не завтра, но сегодня и сейчас
мы невесомы, будто монгольфьеры.

***

Комфорта, говоришь ты?

Ф. М. Достоевский

Он дерзит и хочет главного –
чтобы о причал,
грудь с монисто, чтобы – лавою.
Непрямых начал,
повод говорить из тихого
места на свету.
Выбранной главы «У Тихона»,
грязь и красоту.
Космос весь, от сих, от атома –
до его глубин.
Ибо если дьявол от ума,
значит, Бог един.
Не Пётруши жизнь комфортную,
с цифройю притом, –
из любви поступка. Вот он, вон,
с бородой, в пальто.
Удивляется согражданам,
косится на крест:
все-таки мы с вами разные.
И орешки ест.

Маленькая ода венецианскому секретеру

Вот я присел за тебя. Сило
в правую руку вложил. Светло
влагой чувствительною глаза.
Что я хотел сказать?

Что череда притупляет зим,
что, будто гребень для волн, дельфин –
ферро – гондоле локтем и лбом
служит. Лишним ребром

выйдя, лагуну связав и дом.
Маленький купол – осенний холм
в патине приезжавших встречал.
Что причал причащал

умброй и охрой, погожим днем,
бакеном, белой чайкой на нём.
Сам ты, одушевляя уют,
списанный из кают,

дабы не согнуть в зеленый ил,
слово сказанное хранил,
четвероногий жилец. Итог
перед отправкой в док:

что, почернев от чернил, душа
помнит кончик карандаша,
лаковой своей спиной
дышит, блестит волной.

Южный триптих

1

Когда железо ржавое на Юг
качнулось с лязганьем, когда сердилось,глохло –
отцы моих растерянных подруг
прилипли к стеклам.

Но вышли – кто с лопатой, с кулаком,
с решимостью, как с поднятым плакатом, –
весь Юг – Джанкой, Очаков, Конотоп –
встал образом распятым.

Оно – железо – движимо извне
чужой сторонней волей,
несло раздел обширной стороне.
Бронею диким полем,

земле кромсая гусеницей грудь,
по полю стрекотали танки.
Как от немецкой «Зингер» точный путь –
стежок от вышиванки.

2

И всадники, и тот, кто подавал
тупым концом копья сегодня губку,
не видели меж темных туч овал –
нырнувшую на дно голубку.

От копоты покрывок небеса
покрыты были горькой власяницей,
такой, что небо превратилось в сад,
где не гнездиться птицам.

Но выше, чуть поодаль, в стороне,
престольного стола, наверно, слева,
где речь была о хлебе и вине,
теперь скорбела Дева

о том, что разделенье велико,
что нить вольфрама вспыхнула меж братьев,
и все же распростерла свой платок
и стала помогать им.

3

Земные и недолгие цари,
купцы, чиновники, менялы,
из глины созданы их алтари,
из сна их зазывалы.

Учителя рассеянья и зла
(поскольку уменьшает разделение) –
движение без крыльев и весла,
со ртом зашитым пение.

Все верлибристы рукотворных роз
и вратари привязанности мнимой –
кто мимо детских или женских слез
всегда проходит мимо –

за копотью не видят высоты,
а красоты – за едким потом –
и оттого не смогут, как цветы,
язык вместить полета,

который есть первейший из начал
(безоблачной он голубей Веданты),
привязаны к обидным мелочам,
их тени – персонажи Данте.

***

Ты – это ветер, я – бизань и кливер.
Мы вместе – мачта, парус и весло.
Когда я ночью возвращаюсь в Киев –
как много птиц в каштанах, как назло,
мне много музыки в твоём квартале.
А я на снега таянье похож:
когда под снегом вижу много таин,
всё время говорю: да будет дождь
ходить по этажам и по паркету,
пусть слюни по Тарковскому текут,
в Ирпень втекают, в маленькую Мету –
на суше много есть, кто их соткут,
найдя обоих на одной подушке,
обложке полумяжкой и за ней.
Вот птица чибис наостряет ушки.
Скажи нам, чибис, чьи мы, поскорей...